

Бедерханова Вера Петровна

доктор педагогических наук, профессор,
профессор кафедры социальной работы,
психологии и педагогики высшего образования
Кубанского государственного университета

Абдокова Людмила Вячеславовна

аспирантка кафедры социальной работы,
психологии и педагогики высшего образования
Кубанского государственного университета

ПРЕДПОСЫЛКИ ТРАНСФОРМАЦИИ МУЖЧИНЫ-ЖЕРТВЫ В ПРЕСТУПНИКА В ЗАРУБЕЖНОЙ ВИКТИМОЛОГИИ

Аннотация:

Проблема метаморфозы жертвы в преступника является недостаточно изученной в отечественной научной литературе, посвященной исследованиям в области виктимологии. На основании анализа современных зарубежных трудов в данной работе изложено понимание предпосылок подобной трансформации. В отечественной школе виктимологии большинство исследований посвящено женщинам, детям и подросткам, мужчины-жертвы представляют собой практически неизученную группу. В настоящей статье предложен обзор проблемы мужчины-жертвы – преступника в контексте той роли, которую может сыграть виктимность в формировании предпосылок уголовного преступления. Рассмотрены современные зарубежные теории в рамках виктимологии, такие как аккумуляция травмы детства, феномен отсроченного аффекта, теория штаммов и теория гегемонной маскулинности и агрессии. Ранние иностранные работы в рамках этой тематики показывали, что жертвы-мужчины характеризуются резко сниженным чувством собственной мужественности. Между тем недавние исследования позволили выявить диаметрально противоположную картину: повышенная маскулинность играет ключевую роль в склонности к преступному поведению. Именно эти два понятия – «повышенная маскулинность» и «виктимность» – наиболее интересны в контексте представленной темы и перспективны для дальнейшего изучения во взаимосвязи.

Ключевые слова:

маскулинность, гендер, виктимность, преступное поведение, агрессия, насилие, жертва, девиантное поведение.

Bederkhanova Vera Petrovna

D.Phil. in Education Science, Professor,
Social Work, Psychology
and Higher Education Science Department,
Kuban State University

Abdokova Lyudmila Vyacheslavovna

PhD student, Social Work, Psychology
and Higher Education Science Department,
Kuban State University

BACKGROUND TO THE TRANSFORMATION FROM A MALE VICTIM INTO A CRIMINAL IN VICTIMOLOGY

Summary:

In the Russian victimology literature, there has been little discussion about the transformation from a victim to a criminal. Based on up-to-date international studies, the authors analyze the background to such a transformation. The Russian victimology mainly focuses on women, children, and teenagers rather than male victims. This determines the necessity to study male victims from the perspective of the role of victimity in the criminal offense. The research looks at the modern international victimology theories such as childhood trauma accumulation, delayed affect phenomenon, strain theory, and the theory of hegemonic masculinity and aggression. Early international studies have demonstrated that male victims are characterized by the subnormal perception of their masculinity. At the same time, recent studies have shown that hypermasculinity plays a crucial role in the predisposition to criminal behavior. Therefore, the notions of hypermasculinity and victimity are of high interest to scientists in terms of analysis and further research.

Keywords:

masculinity, gender, victimity, criminal behavior, aggression, violence, victim, deviant behavior.

Виктимология, будучи обширной междисциплинарной областью, изучающей виктимность и связанные с ней процессы, немалое время является плацдармом для научных исследований, находящихся на современном этапе в процессе становления единой концепции, которая призвана унифицировать и систематизировать накопленные представления в данной области. Для понимания психологической основы виктимологии целесообразно изучать ее предмет и объект не только сквозь призму отечественных трудов, но и уделяя большое внимание зарубежной школе виктимологии, отличающейся повышенным интересом к метаморфозе «жертва – преступник» и концепции, выражающейся в том, что эти два состояния взаимосвязаны, взаимообусловлены и имеют общие психологические предпосылки.

Ранее мы проводили сравнительное исследование групп лиц, склонных к насилию и виктимности, а также сопоставляли их с людьми без отклонений в поведении. Полученные результаты показали, что первые две группы имеют ряд общих характеристик, что наблюдается при соотношении их с контрольной группой. Этот факт дает возможность рассматривать преступников и жертв как единую группу лиц с нарушенной адаптацией, в результате которой сформировался комплекс их социально-психологических особенностей [1].

Еще одной отличительной чертой отечественной школы виктимологии выступает факт, что большинство исследований посвящено женщинам, детям и подросткам. Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что мужчины-жертвы являются практически неизученной группой в отечественной научной литературе. Согласно статистическим данным некоторых зарубежных авторов, количество мужчин, ставших жертвами преступлений, достигает 16 на 1 000 человек. Доля женщин для сравнения – 21 на 1 000, однако стоит принимать во внимание, что мужчины реже обращаются в правоохранительные органы за помощью, поэтому реальные показатели могут быть гораздо выше [2].

Итак, насилие над женщинами и детьми статистически более распространено в сравнении с насилием над мужчинами. Однако важно учитывать, что мужчины, которые совершают преступные деяния, возможно, сами ранее были жертвами и именно это обусловило их агрессивное поведение в будущем. В контексте сказанного социально-психологическое содействие в преодолении насильственного и виктимного поведения необходимо не только женщинам, детям и подросткам, но и мужчинам. Становится очевидным, что виктимологический замкнутый круг «жертва – преступник – жертва» можно разомкнуть средствами своевременной психологической помощи и таким образом на глобальном уровне снизить преступность. Этот факт обуславливает практическую значимость данной статьи.

Процессы становления личностей жертвы преступления и преступника имеют удивительное сходство и обычно берут начало в запредельном стрессе родом из детства. В зарубежных источниках подробно описывается феномен «подавленного, отсроченного аффекта», когда травма детства аккумулируется в подсознании и находит выход во взрослой жизни, реализуясь через преступное поведение [3]. «Аффект родом из детства» – это эмоциональный взрыв, обусловленный осознанием тяжести преступления или тяжести его последствий повзрослевшей жертвой. Последняя при этом сама не могла готовить себя к моменту осознания тяжести произошедшего, поскольку не обладала для этого в силу возраста психологическим ресурсом. Так как аффект просто отложен, основания для него уже сформированы.

В рамках данной тематики можно выделить два диаметрально разных подхода, основанных на выявлении личностной характеристики, на базе которой определяется дальнейшая метаморфоза из жертвы в преступника. Примечательно, что оба метода принадлежат одному ученому, все другие авторы в публикациях ссылаются именно на него. Первый подход базируется на ранних исследованиях, которые показывают, что мужчины-жертвы, подвергшиеся насилию в детском возрасте, в будущем характеризуются резко сниженным чувством собственной мужественности [4]. Между тем недавние труды автора отражают противоположную картину – мужчины-жертвы в дальнейшем приобретают черты гипервыраженной маскулинности, которая играет ключевую роль в склонности к будущему преступному поведению [5].

Представляется логичным, что именно эти два понятия – преступности и субъективной оценки своей мужественности после виктимизации – наиболее интересны в контексте данной тематики и перспективны для дальнейших исследований в области виктимологии. Для дальнейшего углубления в тему трансформации жертвы-мужчины в преступника важно рассмотреть концепцию гегемонной маскулинности, которая характеризуется господствующим положением мужского пола в структуре гендерных отношений.

Данная концепция относится к структуре власти в патриархальном обществе, где доминируют мужчины [6]. Они соперничают, чтобы быть на вершине этой социальной «иерархии мужественности». Считается, что тот, кто находится наверху, рассматривается как самое сильное звено в обществе. Вершина иерархии представлена уверенными в своей маскулинности мужчинами, отличающимися снисходительным отношением к женщинам и их слабостям.

В этой иерархии существуют и другие мужские роли. Например, мужчина, который имеет не самый высокий интеллект или не очень выдающиеся физические характеристики и осознает это, находится в середине иерархии. Такие мужчины обычно разделяют некоторые из обязанностей по дому с женами. Данная категория считает себя «выше» женщин, однако использует модель сотрудничества в отношениях. На нижней ступени иерархии гегемонной маскулинности находятся лица с субординированной мужественностью. Это мужчины, которые «подчиняются» другим мужчинам, доминирующим в обществе, либо женщинам-партнерам; сюда же относятся и гомосексуалисты [7].

Склонность к агрессии как одному из факторов маскулинности может стать предпосылкой преступного поведения. Гнев для мужчины является социально приемлемым способом демонстрации внутренней «силы», в то время как мужчина с эмоциями грусти или печали, стремящийся поделиться эмоциональными переживаниями, относится к слабой категории в контексте теории гегемонной маскулинности [8]. Именно этот факт затруднял множество исследований, которые имели целью изучить связь виктимности мужчин с их дальнейшей ролью преступника. Испытуемые не были склонны говорить о проблемах из детства и делиться эмоциональными переживаниями, которые могли быть важны для оценивания степени воздействия на психику отдельно взятого индивида.

Итак, агрессия исторически привязана к «мужественности» и способности защитить себя. Если мужчина не агрессивен и при физическом нападении занимает пассивную позицию, он не может рассматриваться как «сильный пол» в собственных субъективных координатах [9]. Агрессия также играет ключевую роль в рискованном поведении мужчины. В контексте «мужественности» она не всегда понимается зарубежными авторами как способность «напасть на слабого». В первую очередь агрессия трактуется как возможность реализовывать себя через финансовую или интеллектуальную составляющую, действовать «агрессивно» по отношению к соперникам на пути к цели [10].

Общество часто увековечивает агрессию через награждение тех, кто принимает на себя всевозможные риски, называя таких людей «герой» или «патриот» [11]. Сексуальная агрессия как способность доминировать над женщиной и проявлять биологические задатки также рассматривается с положительной стороны в контексте гегемонной маскулинности.

Следует определить взаимосвязь «аккумуляции травмы детства», «отсроченного аффекта», гегемонной маскулинности и агрессии в контексте виктимологической науки. Ее можно выявить, если вернуться к классификации жертв, созданной еще В. Мендельсоном (1958), который первым предложил термин «уголовная пара». Итак, его классификация состоит из шести типов жертв и по сути имеет не психологическую направленность, а криминологическую:

- «абсолютно невинная жертва (идеальная жертва);
- жертва, пострадавшая из-за своего невежества;
- жертва так же виновная, как и преступник (добровольно потерпевшая);
- жертва более виновная, чем преступник (жертва-provokator или неосторожная жертва);
- агрессивная жертва;
- имитирующая жертва и воображаемая жертва» [12].

Согласно некоторым исследованиям, женщины чаще относятся к первым трем категориям жертв, а мужчины – к жертвам-provokatorам и агрессивным жертвам. Этот факт объясняется проявлением «маскулинной агрессивности», которая является компонентом маскулинной гегемонии и виктимизирующим фактором одновременно.

Мужчины, которые были жертвой насилия (неважно – психологического, физического, бытового или военного), чувствовали себя униженными в момент его совершения. В будущем аффект, полученный ранее, аккумулялировался и в качестве первого проявления давал знать о себе в возникшей у мужчины потребности удовлетворить гендерную «нормальность», чтобы почувствовать себя достаточно мужественным за счет восхождения на верхнюю ступень гегемонной маскулинности. Одним из факторов, способствующих поднятию личности вверх в данной иерархии, является подчинение людей (в карьере, обществе друзей, отношениях) [13]. Однако в условиях, когда этого не удается достичь социально приемлемыми способами, индивид начинает чувствовать невосполненный дефицит мужественности, который может обернуться противоправным поведением [14].

В контексте сказанного важно также упомянуть концепцию «насилие порождает насилие», которая зародилась еще в 1960 г. и была окончательно сформулирована в 1989 г. Теория гласит, что лица, ставшие жертвами жестокого обращения в детском возрасте, повзрослев, могут повторить поведение насильника [15].

Этот процесс часто объясняется теорией социального обучения А. Бандуры, согласно которой поведение ребенка формируется исходя из ролевых моделей родителей или опекунов, перенимаемых на подсознательном уровне [16]. Эмпирические исследования в течение последних двух десятилетий подтвердили эту гипотезу [17].

Работы в рамках продолжения темы мужчин-жертв – преступников были посвящены определению разницы между мужчинами и женщинами в проблеме взаимосвязи насилия в детстве и девиантного поведения. До 2012 г. оценки имели неубедительную достоверность относительно существования большой разницы между мужским и женским отсроченным результатом насилия. В 2012 г. ученые пытались выявить гендерные различия в контексте теории «насилие порождает отсроченное насилие» с помощью гендерной модели разделения участников исследования и дальнейшего изучения связи жестокого обращения в детстве и агрессивного поведения во взрослой

жизни. Результаты показали, что несовершеннолетние жертвы мужского пола чаще совершали преступления, чем девочки [18]. Исследования индивидов в зрелом возрасте в литературе отсутствуют и являются перспективными в свете раскрытия темы гендерных различий в виктимологии.

В дополнение к сказанному важно отметить, что в любой теории есть факторы, которые могут благоприятствовать ее подтверждению в конкретной ситуации или, наоборот, оказывать тормозящее влияние. Так, можно спроецировать «мужественность» и «преступность» на теорию штаммов Р. Агню (R. Agnew) (2006), сфокусированную на том, как некоторые стандартные жизненные штаммы влияют на склонность человека к совершению преступления. Гипотеза определяет штаммы как любое событие или условие, которое резко нарушает границы мировоззрения человека и не вписывается в рамки его восприятия окружающей действительности [19]. Безусловно, каждый человек сталкивается с подобными ситуациями в жизни, однако автор утверждает, что существуют три специфических типа штаммов, в большей степени способствующих преступному поведению:

- когда человека длительный период несправедливо унижают, оскорбляют, а он не обладает ресурсами для ответной реакции;
- когда человек теряет то, что ценит больше всего;
- если человек никакими силами не в состоянии достичь своих целей и ощущает беспомощность [20].

Эти штаммы могут оказать влияние на возможное преступное поведение только при условии низкого уровня социального контроля. В данной теории девиантное поведение выступает как механизм индивидуальной адаптации к стрессогенному воздействию штамма [21]. Большое значение указанная концепция приобретает при рассмотрении темы мужчин-жертв – преступников, поскольку мальчики воздействие штаммов часто рассматривают как наивысшую несправедливость ввиду того, что у жертвы из-за специфики возраста на тот момент не хватало внутренних психических и внешних физических ресурсов, чтобы справиться с психогенным фактором.

Далее вступает в силу теория деформации А. Иратцоки (A. Iratzoqui) (2018), которая объясняет, что деформирование мужской личности в детстве не могло на том этапе обрести соответствующую психологическую компенсацию (девочки могли дать выход эмоциям и смягчить деформацию). Поэтому во взрослой жизни данный факт будет иметь последствия, которые могут проявиться в преступном поведении. К последнему мужчины склонны в большей степени, чем женщины, нашедшие выход негативных последствий штамма в эмоциональной реакции [22].

Итак, несмотря на то что данная тема является малоизученной в отечественной науке, к ней возрастает интерес среди зарубежных исследователей, поскольку виктимология стремительно развивается как научная отрасль. В статье рассмотрены основные современные подходы к пониманию проблемы «жертва – преступник» в психологическом аспекте. В основу гипотезы легла идея о том, что мужчины, ставшие жертвами насилия в раннем возрасте, в будущем переживают ослабление ощущения собственной мужественности, которое компенсируется гипермаскулинными проявлениями агрессии. Это направление имеет значительную перспективу научного исследования. Практическая значимость представленной работы подтверждается следующим положением. Замкнутый круг «жертва – преступник – жертва» можно разомкнуть средствами своевременной психологической помощи, в рамках которой необходимо еще на раннем этапе (в образовательных учреждениях) уделять повышенное внимание именно мужской части коллектива, ввиду того что преобладающая часть преступников – мужчины, подвергнутые воздействию насилия в раннем возрасте и не сумевшие с этим самостоятельно справиться, аккумулировав негатив в противоправное поведение.

Ссылки:

1. Бедерханова В.П., Абдокова Л.В. Социально-психологическое содействие в преодолении насильственного и виктимного поведения // Феноменология и профилактика девиантного поведения : материалы XI Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2018. С. 10–13.
2. Truman J., Morgan R. Criminal Victimization, 2015 [Электронный ресурс] // Bureau of Justice Statistics. 2016. URL: <https://www.bjs.gov/content/pub/pdf/cv15.pdf> (дата обращения: 23.01.2019).
3. Iratzoqui A. Strain and Opportunity: A Theory of Repeat Victimization // Journal of Interpersonal Violence. 2018. Vol. 33, no. 8. P. 1366–1387. <https://doi.org/10.1177/0886260515615146>.
4. Messerschmidt J.W. Masculinities and Crime. Lanham, MD, 1993.
5. Messerschmidt J.W. Crime as Structured Action: Doing Masculinities, Race, Class, Sexuality, and Crime. 2nd ed. Lanham, MD, 2016.
6. Connell R.W. Masculinities. 2nd ed. Los Angeles, CA, 2005.
7. Cleaver F. Men and Masculinities: New Directions in Gender and Development // Masculinities Matter! Men, Gender and Development. L., 2018. P. 1–27.
8. Confirmatory Factor Analytic Investigation of Variance Composition, Gender Invariance, and Validity of the Male Role Norms Inventory-adolescent-revised (MRNI-A-r) / R.F. Levant, R.C. McDermott, A.A. Hewitt, K.M. Alto, K.T. Harris // Journal of Counseling Psychology. 2016. Vol. 63, no. 5. P. 543–556. <https://doi.org/10.1037/cou0000163>.
9. Lindsey L.L. Gender Roles: A Sociological Perspective. 5th ed. Boston, MA, 2011.

10. Newburn T., Stanko E. When Men are Victims: The Failure of Victimology // *Just Boys Doing Business: Men, Masculinities and Crime*. L. ; N. Y., 1995. P. 153–165.
11. Wilczak A. *Gender, Crime, & Justice: Exploring the Dynamics*. Boulder, CO, 2017.
12. Mendelsohn B. La Victimologie // *Revue Francaise de Psychanalyse*. 1958. Jan. – Febr.
13. Lindsey L.L. Op. cit.
14. Heber A. “You Thought You Were Superman”: Violence, Victimization and Masculinities // *The British Journal of Criminology*. 2017. Vol. 57, no. 1. P. 61–78. <https://doi.org/10.1093/bjc/azv117>.
15. Widom C. The Cycle of Violence // *Science*. 1989. Vol. 244 (4901). P. 160–166.
16. Higgins G.E., Marcum C.D. *Criminological Theory*. Frederick, MD, 2016.
17. Misheva V., Webbink D., Martin N. The Effect of Child Maltreatment on Illegal and Problematic Behavior: New Evidence on the “Cycle of Violence” Using Twins Data // *Journal of Population Economics*. 2017. Vol. 30. P. 1035–1067. <https://doi.org/10.1007/s00148-017-0642-3>.
18. Topitzes J., Mersky J., Reynolds A. From Child Maltreatment to Violent Offending: An Examination of Mixed-gender and Gender-specific Models // *Journal of Interpersonal Violence*. 2012. Vol. 27, no. 12. P. 2322–2347. <https://doi.org/10.1177/0886260511433510>.
19. Agnew R. *Pressured into Crime: An Overview of General Strain Theory*. Los Angeles, CA, 2006.
20. Ibid.
21. An Empirical Assessment of the Overlap between Sexual Victimization and Sex Offending / W. Jennings, K. Zgoba, T. Maschi, J. Reingle // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 2014. Vol. 58, no. 12. P. 1466–1480.
22. Iratzoqui A. Op. cit.

References:

- Agnew, R 2006, *Pressured into Crime: An Overview of General Strain Theory*, Los Angeles, CA.
- Bederhanova, VP & Abdokova, LV 2018, ‘Socio-Psychological Assistance in Overcoming Violent and Victimization Behavior’, *Fenomenologiya i profilaktika deviantnogo povedeniya: materialy XI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, Krasnodar, pp. 10-13, (in Russian).
- Cleaver, F 2018, ‘Men and Masculinities: New Directions in Gender and Development’, *Masculinities Matter! Men, Gender and Development*, London, pp. 1-27.
- Connell, RW 2005, *Masculinities*, 2nd ed., Los Angeles, CA.
- Heber, A 2017, “‘You Thought You Were Superman’: Violence, Victimization and Masculinities”, *The British Journal of Criminology*, vol. 57, no. 1, pp. 61-78, <https://doi.org/10.1093/bjc/azv117>.
- Higgins, GE & Marcum, CD 2016, *Criminological Theory*, Frederick, MD.
- Iratzoqui, A 2018, ‘Strain and Opportunity: A Theory of Repeat Victimization’, *Journal of Interpersonal Violence*, vol. 33, no. 8, pp. 1366-1387, <https://doi.org/10.1177/0886260515615146>.
- Jennings, W, Zgoba, K, Maschi, T & Reingle, J 2014, ‘An Empirical Assessment of the Overlap Between Sexual Victimization and Sex Offending’, *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, vol. 58, no. 12, pp. 1466-1480.
- Levant, RF, McDermott, RC, Hewitt, AA, Alto, KM & Harris, KT 2016, ‘Confirmatory Factor Analytic Investigation of Variance Composition, Gender Invariance, and Validity of the Male Role Norms Inventory-Adolescent-Revised (MRNI-A-r)’, *Journal of Counseling Psychology*, vol. 63, no. 5, pp. 543-556, <https://doi.org/10.1037/cou0000163>.
- Lindsey, LL 2011, *Gender Roles: A Sociological Perspective*, 5th ed., Boston, MA.
- Mendelsohn, B 1958, ‘La Victimologie’, *Revue Francaise de Psychanalyse*, Jan. – Febr.
- Messerschmidt, JW 1993, *Masculinities and Crime*, Lanham, MD.
- Messerschmidt, JW 2016, *Crime as Structured Action: Doing Masculinities, Race, Class, Sexuality, and Crime*, 2nd ed., Lanham, MD.
- Misheva, V, Webbink, D & Martin, N 2017, ‘The Effect of Child Maltreatment on Illegal and Problematic Behavior: New Evidence on the “Cycle of Violence” Using Twins Data’, *Journal of Population Economics*, vol. 30, pp. 1035-1067, <https://doi.org/10.1007/s00148-017-0642-3>.
- Newburn, T & Stanko, E 1995, ‘When Men are Victims: the Failure of Victimology’, *Just Boys Doing Business: Men, Masculinities and Crime*, London, New York, pp. 153-165.
- Topitzes, J, Mersky, J & Reynolds, A 2012, ‘From Child Maltreatment to Violent Offending: An Examination of Mixed-Gender and Gender-Specific Models’, *Journal of Interpersonal Violence*, vol. 27, no. 12, pp. 2322-2347, <https://doi.org/10.1177/0886260511433510>.
- Truman, J & Morgan, R 2016, ‘Criminal Victimization, 2016’, *Bureau of Justice Statistics*, viewed 23 January 2019, <<https://www.bjs.gov/content/pub/pdf/cv15.pdf>>.
- Widom, C 1989, ‘The Cycle of Violence’, *Science*, vol. 244 (4901), pp. 160-166.
- Wilczak, A 2017, *Gender, Crime, & Justice: Exploring the Dynamics*, Boulder, CO.